

ЭМИГРАЦИЯ. ВНУТРЕННЯЯ ЭМИГРАЦИЯ. ССЫЛКА (из материалов Международной конференции, 27–30 сентября 2018 г., Тюмень)

Борисова В. В.
Уфа, Россия

ORCID ID: –
E-mail: borisova@ufacom.ru

УДК 821.161.1-6(Достоевский Ф.М.)
DOI 10.26170/FK19-01-03
БК ШЗЗ(2Рос=Рус) 5-8,444
ГСНТИ 17.07.51
КОД ВАК 10.01.01

ЭПИСТОЛЯРИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО ПЕРИОДА КАТОРГИ И ССЫЛКИ: КОД СПАСЕНИЯ

Аннотация. Предметом исследования, проведенного в рамках данной статьи, является обширный эпистолярный Ф. М. Достоевского периода сибирской каторги и ссылки. Цель его изучения – реконструкция христианского сюжета «спасения» в жизни писателя, знаковыми атрибутами которого стали Евангелие и деньги от «добрых людей». Их, как и первое письмо на каторге, Достоевский получил от жены декабриста Н. Д. Фонвизиной, которая затем передала эстафету добра другим декабристам и их друзьям – барону А. Е. Врангелю, генералу К. И. Иванову и другим лицам. Как видно из эпистолярного писателя, «добрых людей» на его каторжном пути оказалось немало. Они укрепляли в нем христианский дух и поддерживали материально. Также письма Достоевского данного периода, рассмотренные как важнейший биографический источник, показывают, что его «изгнание» в Сибирь имело свои особенности: исходом пребывания в «гиблом месте», вызвавшего напряженную саморефлексию, поиск ответов на вопросы: «за что наказан / в чем виноват?», стало «перерождение убеждений», которое началось на Семеновском плацу и завершилось на каторге обретением русского Христа. Одним из результатов исследования является выявленный в эпистолярном писателя код «спасения», им самим воспринятый в христианском свете. В заключение делаются выводы о том, что сибирская каторга и семипалатинская ссылка Достоевского могут быть представлены как характерный для русских литераторов XIX–XX веков типологический вариант ситуации недобровольной «инонаходимости» (о чем свидетельствует прямая переключка судеб декабристов и петрашевцев), имеющий однако специфические исторические, личностные и художественные особенности.

Ключевые слова:
Ф. М. Достоевский,
каторга; ссылка; письмо;
Евангелие; деньги;
«добрые люди»;
«спасение».

Borisova V. V.
Ufa, Russia

EPISTOLARY OF F. M. DOSTOEVSKY DURING THE PERIOD OF KATORGA AND EXILE: SALVATION CODE

Abstract. This article features the vast epistolary production of F. M. Dostoevsky from his period of incarceration in penal labour camp (*katorga*) and exile in Siberia. The purpose of the study is to reconstruct the Christian plot of “salvation” in writer’s life, whose significant attributes had become the Gospels and money from “good people”. Dostoevsky had received such money as well as the first letter in his exile from Decembrist’s wife N. D. Fonvizina, who later passed the torch of goodness on to other Decembrists and their friends such as Baron A. E. Vranghel, General K. I. Ivanov and other people. As it can be seen from the writer’s epistolary, there were a lot of “good people” in his life in exile. They strengthened his Christian spirit and supported him with money. Moreover, Dostoevsky’s letters of this period, considered as the most important biographical source, show that his “banishment” to Siberia had its own peculiarities: the result of being in “sinister place” which caused tensed self-reflection, *search for answers* to questions: «*what I was punished for / what I am to blame for?*», was a “rebirth of convictions” which had started on the Semenov Square and had ended during the *katorga* by accepting ‘the Russian Christ’. One of the research results has been to identify, in writer’s epistolary, the code of “salvation” which he accepted in accordance with Christian faith. The article concludes that his labour camp imprisonment in Omsk and his exile in Semipalatinsk can be represented as typological variant of the situation of involuntary “somewhere-else-ness”, typical among Russian writers of XIX–XX centuries (as evidenced by direct similarity of destinies between the Decembrists and the Petrashevsky Circle), which, however, has its specific historical, personal and artistic features.

Keywords:
katorga; exile; letters;
Russian writers; literary
creativity; literary
genres.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-012-90013 Достоевский.

Acknowledgments: The research was carried out with financial support from Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project № 18-012-90013 Dostoevsky.

Для цитирования: Борисова, В. В. Эпистолярный Ф. М. Достоевского периода каторги и ссылки: код спасения / В. В. Борисова // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 23–27. DOI: 10.26170/fk19-01-03.

For citation: Borisova, V. V. Epistolary of F. M. Dostoevsky During the Period of *Katorga* and Exile: Salvation Code / V. V. Borisova // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 23–27. DOI: 10.26170/fk19-01-03.

Заключение писателя в омском остроге и семипалатинских казармах нашло отражение в зеркале его эпистолярия, имеющего значение важнейшего биографического и литературно-художественного материала: «...письма Достоевского остаются для современного читателя и наиболее полным выражением его личности, и самым полным рассказом о его жизни» [Достоевский 1985: 7].

Большое биографическое и творческое значение писем Достоевского освещено в исследованиях А. С. Долинина, И. С. Зильберштейна, С. В. Белова, В. А. Туниманова и др. [Достоевский, Достоевская 1979: 353–388; Долинин 1928–1959; Зильберштейн 1973: 114–152; Летопись 1993].

Методология исследования предполагает наряду с контекстуальным анализом эпистолярных фактов реконструкцию на их основе биографического сюжета из жизни писателя.

Цель исследования – выявить в эпистолярии Достоевского отражение его физической и ментальной «инициации», которая привела к изменениям его социального статуса, творческого самосознания, идеологической позиции, всей художественной практики писателя.

Письма Достоевского показывают, оказавшегося в экзистенциальной ситуации Иова, что его каторжный опыт оказался пропущенным через призму напряженной саморефлексии, основным содержанием которой стал поиск ответов на вопросы: «за что наказан / в чем виноват?». В этом духовном процессе выразилась эволюция авторского самосознания. Уже пережив каторгу, из Семипалатинска Достоевский писал брату: «Я не ропщу; это мой крест, и я его заслужил <...> каторга много вывела из меня и много привила ко мне <...> Впрочем, всё от бога и у бога» [Достоевский 1985: 180].

В достоевковедении этот комплекс изменений традиционно определяется как произошедший в Сибири мировоззренческий и творческий перелом, как «перерождение убеждений», которое началось на Семеновском плацу и завершилось на каторге. Оправдалось предвидение самого писателя: 22 декабря 1849 года, когда закончились все приготовления к казни осужденных, он, ожидая своей очереди, сказал, что «будет со Христом». Смысл этой фразы несомненно связан с идеей обретения Христа. Не случайно во многих исследованиях, посвященных Достоевскому, подчеркивается значение его «встречи» на каторге с русским «черным народом», с его верой [Захаров 2013: 163–164].

На наш взгляд, каторга и ссылка как важнейший и самый трагический этап в биографии писателя нуждаются в более глубоком осмыслении с учетом такой авторской интенции как «спасение», самим Достоевским воспринятым в христианском свете. Этим обстоятельством объясняются постоянные отсылки в письмах 1849–1859 гг. к евангельским текстам, которые стали для автора «пятикнижия» важнейшей

жизнетворческой парадигмой. «Читаю книгу Иова, и она приводит меня в блаженный восторг», – позже признавался он Анне Григорьевне [Достоевский 1986: 43]. Судя по всему, личностное преломление получил и начальный стих из 129 Псалма: «Из глубины взываю к тебе, Господи!». Достоевский отметил его в своем каторжном Евангелии.

Показательна и библейская реминисценция в письме к Н. Д. Фонвизиной [Достоевский 1985: 176]: «...скажу Вам, что в такие минуты жаждешь, как „трава иссохшая“, веры, и находишь ее, собственно потому, что в несчастье яснее истина» (Псалтырь, пс. 101, ст. 5, 12; Книга пророка Исаяи, гл. 42, ст. 15).

В 1874 году писатель поразил своего молодого друга Всеволода Соловьева парадоксальным признанием о значении каторги для собственного духовного развития: «...Мне тогда судьба помогла, меня *спасла* каторга... совсем новым человеком сделался... Я там себя понял... Христа понял... русского человека понял... Все мои самые лучшие мысли приходили тогда в голову, теперь они только возвращаются, да и то не так ясно. Ах, если бы вас на каторгу!..» [Достоевский 1964: 199–200. Выделено нами. – В. Б.].

Если прочитать сибирские письма Достоевского в хронологическом порядке, выстраивается определенный биографический сюжет, поражающий удивительными перипетиями. Первое письмо осужденный писатель отправил брату Михаилу 22 декабря 1849 г., после приговора и инсценировки смертной казни [Достоевский 1985: 9]. Комментаторы назвали его эпистолярным шедевром [Достоевский 1985: 10]. Вот лейтмотив этого письма: «...я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. *Подле меня будут люди...*» [Достоевский 1985: 162. Выделено нами. – В. Б.].

После Семеновского плаца в переписке Достоевского следует долгий перерыв, отсутствие писем от родных его мучило. Переписка Достоевского с ними возобновилась лишь четыре года спустя. 22 февраля 1854 г., выйдя с каторги, он пишет старшему брату: «...скажи ты мне ради господина бога, почему ты мне до сих пор не написал ни одной строчки» [Достоевский 1985: 166].

Но за время жизни в Омске, Семипалатинске и Теври (1854–1859) у Достоевского возник новый круг корреспондентов – это жена декабриста Н. Д. Фонвизина, А. Е. Врангель, Е. И. Якушкин, М. Д. Исаева-Достоевская, отец ее Д. С. и сестра В. Д. Констант, Ч. Ч. Валиханов, Э. И. Тотлебен, А. И. Гейбович и др.

Среди них выделяются прежде всего люди из декабристского окружения писателя в Сибири, что не случайно, поскольку именно петрашевцы приняли эстафету от декабристов, повторив во многом их судьбу и путь по Владимирскому тракту. Вслед за ними Достоевский пережил сибирскую каторгу и ссылку, которой предшествовало одиночное заключение в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. После Се-

меновского плаца он также перестал быть дворянином и поручиком, как государственный преступник, оказавшись на самой низшей социальной ступени.

Брату Михаилу 22 февраля 1854 года он писал: «Жили мы в куче, все вместе в одной казарме... Все полы прогнили. Пол грязен на вершок, можно скользить и падать... Затопят шестью поленами печку, тепла нет, а угар нестерпимый, и вот вся зима. Тут же в казарме арестанты моют белье и всю маленькую казарму заплескают водой... Выйти за нуждой уже нельзя с сумерек до рассвета, ибо казармы запираются, и ставится в сенях ушат, и потому духота нестерпимая... Блох, вшей и тараканов четвериками... В пост капуста с водой и больше ничего. Я расстроил желудок нестерпимо и был несколько раз болен... и *если бы не было денег*, я бы непременно помер, и никто, никакой арестант, такой жизни не вынес бы... Прибавь ко всем этим неприятностям почти невозможность иметь *книгу*... вечную вражду и ссору кругом себя, брань, крики, шум, гам, всегда под конвоем, никогда один, и это четыре года без перемен...» [Достоевский 1985: 170. Выделено нами. – В. Б.].

«Книга» и «деньги» фигурируют здесь как знаки «спасения». В письмах Достоевского к брату Михаилу Михайловичу это постоянный лейтмотив: «Мне нужно книг и денег. Присылай ради Христа» [Достоевский 1985: 171, 172]. К сожалению, родственники, в том числе и Куманины («дядя» и «тетушка») начали присылать деньги только в конце ссылки писателя. Так, в феврале 1857 года Федор Михайлович получил от Куманиных 600 рублей и 200 рублей от сестры В. М. Карепиной, что помогло ему расплатиться с долгами и устроить свадьбу с М. Д. Исаевой.

Но первые деньги и самую нужную «книгу» писатель получил от жены декабриста Н. Д. Фонвизиной. И первое письмо во время пребывания Достоевского на каторге было от нее. Как вспоминает ее младшая подруга Мария Францева, «Наталья Дмитриевна <...> была замечательно умна, образована, необыкновенно красноречива и в высшей степени духовно-религиозно развита <...>. Религиозность ее проявлялась не в одних внешних формах обрядового исполнения, но в глубоком развитии ведения духовного; она в полном смысле жила внутренней, духовной жизнью. Читала всевозможные духовные книги, не говоря уже о Библии, которую знала почти наизусть, читала творения Св. Отцов нашей православной Церкви, писателей католической и протестантской церкви, знала немецкую философию, к тому же обладала еще необыкновенно ясным и глубоким взглядом на жизнь. С ней редко кто мог выдержать какой-нибудь спор, духовный ли, философский или политический. Как бывало мудро и глубоко умела она соединить мировые события с библейскими пророческими предсказаниями» [Францева 1888: 392–393].

Н. Д. Фонвизина посещала Достоевского и С. Ф. Дурова в Тобольском остроге, «принимала в них горячее участие и, находясь в родственных отношениях с князем Горчаковым, генерал-губернатором Западной Сибири, просила его оказать...<им> покровительство, что и было исполнено» [Францева 1888: 394]. На петрашевцев, к которым принадлежал и ее старший сын, она смотрела как на продолжателей дела декабристов.

Достоевский по своим взглядам оказался ей особенно близок.

Узнав о дне отправления Достоевского и Дурова на каторгу, «Наталья Дмитриевна выехала проводить их по дороге, ведущей в Омск, за Иртыш, верст за семь от Тобольска. Мороз стоял страшный <...>. Наконец, мы услышали отдаленные звуки колокольчиков. Вскоре из-за опушки леса показалась тройка с жандармом и седоком, за ней другая; мы вышли на дорогу и, когда они поравнялись с нами, махнули жандармам остановиться, о чем уговорились с ними заранее. Из кошевых (сибирский зимний экипаж) выскочили Достоевский и Дуров <...>. тяжелые кандалы гремели <у них> на ногах. Мы наскоро с ними простились, боясь, чтобы кто-нибудь из проезжающих не застал нас с ними, и успели только им сказать, чтоб они не теряли бодрости духа, *что о них и там будут заботиться добрые люди*» [Францева 1888: 396. Курсив наш. – В. Б.].

О Наталье Дмитриевне Достоевский писал трижды: в письме к брату [Достоевский 1985: 169], в «Записках из Мертвого дома» («Есть в Сибири, и почти всегда не переводится, несколько лиц, которые, кажется, назначением жизни своей поставляют себе братский уход за „несчастными“, сострадание и соболезнование о них, точно о родных детях, совершенно бескорыстное, святое» [Достоевский 1972: 67]), в «Дневнике писателя» за 1873 год: «...В Тобольске, когда мы в ожидании дальнейшей участи сидели в остроге на пересыльном дворе, жены декабристов <...> умолили смотрителя острога и устроили в квартире его тайное свидание с нами <...> Свидание продолжалось час. Они благословили нас в новый путь, перекрестили и каждого оделили Евангелием...» [Достоевский 1980: 12].

В его переплете Наталья Дмитриевна спрятала деньги. Так Евангелие стало единственной книгой в остроге, а 10 рублей – единственными деньгами, которые дали Достоевскому возможность выжить в первый год каторги: «На эти деньги отец смог купить немного белья, мыло и табак, несколько улучшить свою грубую пищу и раздобыть белый хлеб. За все годы, проведенные на каторге, у него не было других денег» [Достоевская Л. Ф. 1992: 57].

По словам писателя, «ссылные старого времени (то есть не они, а жены их) заботились об нас, как об родне» [Достоевский 1985: 169]. Они передали эстафету христианской любви и милосердия другим «добрым людям». Среди них был сын декабриста Евгений Иванович Якушкин. По делам службы он был командирован в Сибирь и в 1853 г., приехав в Омск, добился встречи с Достоевским: «Помню, что на меня страшно грустное впечатление произвел вид вошедшего в комнату Достоевского в арестантском платье, в оковах, с исхудалым лицом, носившим следы сильной болезни» [Любимова-Дороватовская 1946: 27–28]. Якушкин оказывал Достоевскому не только материальную помощь, однажды переслав в Семипалатинск 100 рублей серебром, но и взял на себя хлопоты о печатании его сочинений, надеясь после их продажи выручить для писателя значительную сумму. Он помогал Достоевскому и после его возвращения из Сибири. Ответные письма Федора Михайловича к Якушкину полны самой горячей благодарности.

С декабристами И. И. Пушиным, М. И. Муравьевым, Н. В. Басаргиным, И. А. Анненковым, П. Н. Свищуновым и их женами был знаком и другой сибирский друг Достоевского, барон Александр Егорович Врангель. Он принадлежал к окружению сибирского генерал-губернатора князя Горчакова, родственника и до определенного времени друга Фонвизиных, служил прокурором в Семипалатинске, где находился в это время на солдатской службе Достоевский. Врангель с юности почитал его талант, присутствовал на Семеновском плацу, когда была разыграна жестокая сцена казни петрашевцев. М. М. Достоевский, с которым Врангель был знаком, узнав, что он едет в Семипалатинск, попросил его передать брату письмо, некоторые вещи и деньги. 20 ноября 1854 года Врангель добрался до Семипалатинска и на следующий день вызвал к себе Федора Михайловича, чтобы передать ему посылку и привет от родных. С этого момента началась их дружба. Врангель очень много сделал для облегчения участи Достоевского, помогал ему материально, был свидетелем его душевных терзаний, вызванных страстной любовью к М. Д. Исаевой. Через Врангеля шли письма от писателя к брату Михаилу, к Аполлону Майкову, тетке Куманиной и молодому Якушкину. Достоевский полагал, что Бог послал его в награду за все перенесенные невзгоды. 18 января 1856 года он писал А. Н. Майкову: «...барон Врангель, человек <...> с прекрасными качествами души и сердца <...> мы с ним сошлись, и я любил его очень. Добра он мне сделал множество» [Достоевский 1985: 207].

Еще одно лицо из «декабристского» окружения Достоевского – генерал Константин Иванович Иванов, зять декабриста И. А. Анненкова. «Весною 1854 года, по освобождении из каторги, Достоевский, как известно, был переведен солдатом без выслуги в Семипалатинск, куда и был доставлен по этапу вместе с другими. Первое время, очень недолго, он жил вместе с солдатами в казарме, но вскоре, по просьбе генерала Иванова ему разрешили жить особо, близ казарм» [Достоевский 1990: 347]. В доме Иванова Достоевский встречался с Е. И. Якушкиным и П. Е. Анненковой, через Иванова шла и неофициальная переписка писателя. Об Иванове Достоевский писал брату из Омска 30 января – 22 февраля 1854 г.: он «был мне как брат родной. Он сделал для меня все, что мог...» [Достоевский 1985: 171].

В свое время Иванов учился вместе с Достоевским в Главном инженерном училище в Петербурге. В 1844 г. он закончил нижний офицерский класс (на год позже Достоевского) с чином прапорщика и был направлен в полевые инженеры, в Тобольске познакомился со многими декабристами. В конце 1854 г. Иванов переехал в Петербург, но еще из Омска ходатайствовал о том, чтобы Достоевскому разрешили в Семипалатинске жить в частном доме, и когда Врангель приехал в Семипалатинск, он застал Достоевского уже на частной квартире. Связь с писателем у Иванова не прерывалась и позже: они продолжали переписываться. Именно Ивановы прислали Достоевскому приказ о производстве его в прапорщики в октябре 1856 г.

Этот долгожданный и буквально вымоленный приказ Достоевский получил благодаря братьям Тотлебенам, Эдуарду Ивановичу, «настоящему герою Севасто-

польскому», и Адольфу-Густаву Ивановичу, товарищу Достоевского по Инженерному училищу. Участь в офицерских классах Инженерного училища, Достоевский и Тотлебен жили в одной квартире на Караванной улице. Как вспоминает А. Е. Врангель, в начале апреля 1856 г., «немедленно по приезде моем я побывал у Эдуарда И<вановича>, напомнил ему о Достоевском, рассказал о его тяжелом положении и просил его сделать для Ф<едора> М<ихайловича> все возможное. Посетил и брата графа, Адольфа. Оба приняли горячее участие в Достоевском и пообещали сделать все, что в силах будет» [Врангель 1912: 193]. Действительно, Тотлебен ходатайствовал за Достоевского, и 1 октября 1856 г. был отдан приказ о его производстве в прапорщики. В письме к А. Е. Врангелю Достоевский замечает: «Всю жизнь буду помнить о благородном поступке его со мною» [Достоевский 1985: 241].

4 октября 1859 г. Достоевский вновь обращается к Тотлебену с просьбой о помощи в переезде из Твери в Петербург: «...С тех пор как Вы, приняв участие в судьбе моей, сделали для меня столько добра и дали мне возможность начать новую жизнь, – с тех пор я смотрю на Вас как на моего избавителя в тяжелом положении моем, которое и до сих пор еще не кончилось <...>» [Достоевский 1985: 342]. Тотлебен опять помог. 29 октября 1859 г. он отвечал Достоевскому: «...я имел случай говорить с князем Долгоруким и с г. Ал. Е. Тимашевым, оба изъявили полное свое согласие на постоянное Ваше проживание в С.-Петербурге...» [Достоевский 1985: 506].

Итак, «добрых людей», в ряду которых первой стояла Н. Д. Фонвизина, на каторжном пути писателя оказалось немало. М. М. Достоевскому он писал: «Вообще, скажу тебе, друг мой, что не <...> один человек, а многие... принимали во мне искреннее участие» [Достоевский 1985: 274]. Они укрепляли в писателе христианский дух, поддерживали материально. Это видно по сибирскому эпистолярию, который, с одной стороны, является свидетельством христианского смирения, с другой – подтверждением спасительной роли денег в жизни Достоевского, всегда крайне нуждавшегося в них. Не случайно, после смерти брата, взяв на себя бремя его долгов, работая как каторжник, он вспомнил о сибирском остроге: «Охотно опять пошел бы на каторгу, чтобы только оплатить долги и ощутить себя снова свободным» [Достоевский 1985: 119]. Здесь непомерные долги ассоциируются в сознании Достоевского с каторгой, а деньги – со свободой, о чем в «Записках из Мертвого дома» сказано: «Деньги есть чеканная свобода» [Достоевский 1972: 17].

Выводы. В конечном счете, сибирская каторга и семипалатинская ссылка в жизни и творчестве Достоевского могут быть представлены как характерный для русских писателей XIX–XX веков типологический вариант пребывания в «гиблом месте»: об этом свидетельствует, например, прямая перекличка судеб декабристов и петрашевцев. Вместе с тем, как показывает эпистолярный писателя, его «изгнание» в Сибирь имело свои особенности: Евангелие и деньги от «добрых людей», братьев и сестер во Христе, стали для автора великого «пятикнижия» атрибутами «спасения» и «знаками судьбы».

ЛИТЕРАТУРА

- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972. – Т. 4.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1980. – Т. 21.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1985. – Т. 28, книга 1.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1986. – Т. 29, книга 2.
- Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка / изд. подг. С. В. Белов и В. А. Туниманов. – М.: Наука, 1979. – С. 353–388.
- Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1990. – Т. 1.
- Достоевская А. Г. Отрывки и черновые наброски «Воспоминаний» // НИОР РГБ. – Фонд 93. III. 5.15. – С. 16–17.
- Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери / пер. с нем. Е. С. Кибардиной; вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. – СПб.: Андреев и сыновья, 1992. – 245 с.
- Долинин А. С. Предисловие // Достоевский Ф. М. Письма: в 4 т. – М.; Л., 1928–1959.
- Врангель А. Е. Воспоминания о Достоевском в Сибири. 1856 гг. – СПб., 1912.
- Захаров В. Н. Имя автора – Достоевский. – М.: Индрик, 2013.
- Захаров В. Н. Кто подарил Достоевскому Евангелие в январе 1850 года? // Неизвестный Достоевский. – 2015. – № 2. – С. 44–53.
- Зильберштейн И. С. Новонайденные и забытые письма Достоевского. – Литературное наследство. – М.: Наука, 1973. – Т. 86. – С. 114–152.
- Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. – СПб., 1993. – Т. 1. 1821–1864.
- Любимова-Дороватовская В. С. Достоевский в Сибири // Огонек. – 1946. – № 46–47. – С. 27–28.
- Францева М. Д. Воспоминания // Исторический вестник. – 1888. – Т. 32. – № 4. – С. 381–412.

Данные об авторе

Борисова Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа).

Адрес: 450008, Россия, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3/а.
E-mail: borisova@ufacom.ru.

REFERENCES

- Dostoevsky F. M. Complete Works: in 30 v. – Leningrad: Nauka, 1972. – V. 4.
- Dostoevsky F. M. Complete Works: in 30 v. – Leningrad: Nauka, 1980. – V. 21.
- Dostoevsky F. M. Complete Works: in 30 v. – Leningrad: Nauka, 1985. – V. 28, book 1.
- Dostoevsky F. M. Complete Works: in 30 v. – Leningrad: Nauka, 1986. – V. 29, book 2.
- Dostoevsky F. M., Dostoevskaya A. G. Correspondence / the edition is prepared by S. V. Belov and V. A. Tunimanov. – M.: Nauka, 1979. – P. 353–388.
- F. M. Dostoevsky in the memoirs of contemporaries: in 2 v. – M.: imaginative literature, 1990. – V. 1.
- Dostoevskaya A. G. Excerpts and draft sketches of “Memories” // NIOR RGB. – Fond 93. III. 5.15. – P. 16–17.
- Dostoevskaya L. F. Dostoevsky in the image of his daughter / translation from German by E. S. Kibardina; introductory article, preparation of the text and notes by S. V. Belov. – Saint Petersburg: Andreev and sons, 1992. – 245 p.
- Dolinin A. S. Foreword // Dostoevsky F. M. correspondence: in 4 v. – M.; Leningrad, 1928–1959.
- Wrangel A. E. Memories of Dostoevsky in Siberia. 1856. – Saint Petersburg, 1912.
- Zaharov V. N. Author's name – Dostoevsky. – M.: Indrik, 2013.
- Zaharov V. N. Who gave Dostoevsky the Gospel in January 1850? // Unknown Dostoevsky. – 2015. – № 2. – P. 44–53.
- Zilberstein I. S. Newly found and forgotten letters of Dostoevsky. – Literary heritage. – M.: Nauka, 1973. – V. 86. – P. 114–152.
- Chronicle of the life and work of F. M. Dostoevsky: in 3 v. – Saint Petersburg, 1993. – V. 1. 1821–1864.
- Lyubimova-Dorovatovskaya V. S. Dostoevsky in Siberia // Ogonek. – 1946. – № 46–47. – P. 27–28.
- Frantseva M. D. Memories // Historical Herald. – 1888. – V. 32. – № 4. – P. 381–412.

Author's information

Borisova Valentina Vasil'evna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah (Ufa).